

Мила Маравская

ОДОЛЖЕНИЕ СЕБЕ

12+

Мила Маравская

Одолжение себе

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=53661203

SelfPub; 2021

ISBN 978-5-532-97815-7

Аннотация

Фантастическая повесть, главная героиня которой, будучи молодой, современной и в целом успешной женщиной, внезапно получает возможность существенно изменить свою будущую жизнь, начиная с определенного негативного момента ее прошлого. Путь к изменению собственной жизни начнется для нее с весьма необычной встречи и будет наполнен эмоционально яркими и неожиданными событиями далекого и не очень далекого прошлого. В результате этого путешествия она сумеет изменить не только свое будущее, но и будущее близких ей людей.

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	14
Глава 3	24
Глава 4	33
Глава 5	43
Глава 6	52
Конец ознакомительного фрагмента.	57

Мила Маравская

Одолжение себе

Самой лучшей бабушке посвящается

Что может нравиться в зиме?

Свежий морозный воздух, щиплющий за нос и щеки и заставляющий поневоле взбодриться, кутаясь в теплый воротник. Столь желанная для глаз картина пронзительно-голубого неба и яркого солнца, благоволящего к нам лишь несколько коротких часов в сутки, да и то, если это позволяют мрачные циклоны. Пушистый снег, то тихо падающий с небес легкими хлопьями волшебства, то застилающий весь белый свет резкими порывами бушующей метели. Тишина и загадочность заснеженного леса с протоптанной кем-то неровной тропинкой, ведущей в таинственную неизвестность. Темно-фиолетовое ночное небо с ярким сиянием звезд, которые заглядывают прямо в душу и поднимают из ее глубин серебристым ковшом созвездий что-то абсолютно неведомое. Легкое и беззаботное скольжение по льду или снегу навстречу холодному ветерку, или стремительный спуск с горы, окатывающий адреналиновой волной с головы до ног. Долгие и темные вечера, слизывающие мокрым языком осадков слишком короткие зимние дни. Полные туманного сумрака холодные утренние зори, заслоненные грома-

дами непроходимой серой облачности. Праздничные фейерверки и брызги новогодней радости, летящие прямо в лицо вместе с запущенным кем-то липким снежком. Сверкающие искры в причудливых сосульках, рожденные, как и жемчужно-золотое сияние плотного снежного наста, яркими, но такими холодными лучами низкого зимнего солнца.

В зиме может нравиться очень многое, но особенно, пожалуй, неотвратимое приближение будущей весны.

Глава 1

Этот зимний вечер пятницы ничем не отличался от сотен других подобных ему вечеров. Огромный город жил своей типичной для этого сезона жизнью. Люди суетились, торопясь поскорее закончить неотложные дела, и никто не обращал внимания на то, как медленно и печально таял снег на брусчатых тротуарах, а на газонах уныло дремали грязноватые сугробы.

Город был наполнен безостановочными звуками шуршащих шин и пронзительными сигналами автомобилей. Они ползли, перемигиваясь красными фонарями, в бесконечных пробках, порой неуклюже наталкиваясь друг на друга. Разноцветные огни витрин и подсвеченные рекламные щиты придавали улицам города неизменно праздничный вид. Окна многочисленных уютных кафе и ресторанов смотрели на прохожих весело и бодро, приглашая заглянуть внутрь, чтобы угоститься чем-нибудь теплым, ароматным и расслабляющим.

Для нее этот вечер начала уик-энда начинался весьма привычно. Она так же, как все, стремилась побыстрее закончить дела в офисе, чтобы в совершенно определенное время оказаться именно в том месте, где было уже достаточно давно неизменно приятно проводить вечер в конце утомительной недели рабочего марафона.

Весь этот долгий день она предвкушала дивный вечер в компании по-прежнему приятного ей человека, который, как ей представлялось, имел все шансы задержаться в ее жизни очень надолго. Но как-то неожиданно, уже выходя за порог офиса, она поймала себя на мысли, что все то приятное благодущие, которое она источала весь день, было лишь некой сублимацией и не более того.

Она тут же постаралась отмахнуться от этой совсем уж нерадостной мысли, но интуиция – непознанная и неподвластная человеку категория собственного мироощущения – еще никогда ее не подводила. Не подвела и на этот раз.

В своем более позднем продолжении вечер стал абсолютно непохожим на другие подобные ему вечера за последние два с половиной года ее благополучной и в целом вполне счастливой жизни.

От неприятного и тревожного чувства, зарождающегося где-то под ложечкой, теперь уже не спасали ни привычный антураж любимого кафе, оживленный звучанием зажигательного хита этого музыкального сезона, ни любимое кофейное мороженое с миндалем и шоколадом, ни глинтвейн из черной смородины. Все почему-то было «мимо»!

А что же он? Он не стал долго искать предисловий и с какой-то странноватой полуулыбкой на лице, сохранившем матовый загар – напоминание об их сентябрьском отпуске, твердо и спокойно сказал, пытаясь смотреть ей прямо в глаза:

– Знаешь, давно хотел тебе сказать, – тут он остановился и поднабрал воздуха в легкие. – У меня уже несколько месяцев есть другая... девушка! И, похоже, я ее люблю! – он опять остановился, чтобы сделать вдох. – Не могу больше скрывать это от тебя, нет смысла! – скороговоркой проговорил он и закусил нижнюю губу.

К этому моменту первые глотки глинтвейна успели согреть ее пищевод, а ложечка с мороженым совершала неспешное движение по направлению к губам, но вынуждена была замереть на полпути.

Она медленно перевела взгляд с мороженого на его лицо. Во взгляде, устремленном сейчас на нее, не читалось ни малейшего волнения или неловкости, которые так уместно было бы испытывать после подобного признания.

Ей вдруг показалось, что в выражении его лица доминировало сейчас слабо различимое... злорадство. Резкая твердость скул и подбородка дополняли определенно хищное выражение морального превосходства и надменности, к которым она уже давно привыкла и даже находила их очаровательными.

«Дура!» – только и подумала она, положив, мороженое в рот.

Не получив никакого ответа на свою ошеломляющую новость, он, помедлив немного, решил все же продолжить речь. Мороженое тем временем медленно таяло у нее во рту, обволакивая рецепторы приятными оттенками вкусов.

Видимо, желая что-то объяснить, он начал быстро говорить, активно жестикулируя и иногда коротко улыбаясь. Он кривил губы и гримасничал, хмурил брови и округлял глаза, но она, к сожалению, уже больше ничего не слышала!

В ее голове возник какой-то невообразимо монотонный шум, стремительно перерастающий в пульсирующую боль в висках. И лишь прохлада мороженого, ощущаемая во рту, продолжала хоть как-то связывать ее рассудок с реальностью.

«Скачок давления...» – машинально подумала она о шуме и боли в голове, проглотив, наконец, мороженое и безуспешно пытаясь прислушаться к тому, что же он говорит.

Он усердно старался что-то ей объяснить и вызвать в ней хоть какой-нибудь отклик, но она по-прежнему молчала.

На миг ей показалось, что она совсем перестала дышать. Пустая ложечка в ее руке так и зависла в воздухе, не достигнув вазочки с мороженым. Непрекращающийся шум в голове не позволял ей услышать ни единого слова из тех, что он произносил. Но при этом у нее было совершенно четкое ощущение, что каждое сказанное им слово – это мощный электрический разряд, проходящий сейчас через все ее тело и стремящийся непременно поразить жизненно важные органы.

К счастью, его тирада иссякла.

Она, все еще молча, смотрела на и сквозь него одновременно. Шум в голове не прекратился, но начал заметно сти-

хоть. Ее рука медленно вернула ложку на положенное ей место.

Вечерняя иллюминация улицы, проходя сквозь оконные стекла, разноцветными бликами играла на лицах, придавая некую театральность его трагическому образу в антураже кафе с многочисленными посетителями.

Он же, как, впрочем, и всегда, был не вполне уверен, что по выражению ее лица понимает, какие именно чувства и эмоции она переживает в данный момент. Умение держать удар, надо признать, всегда было ее коньком!

Внешне абсолютно спокойная, даже безучастная, она, тем не менее, просто физически ощущала, как корчилась от нестерпимой боли и умирала ее мечта. Еще несколько мгновений, и агония позади! Иллюзия простого человеческого счастья окончательно превратилась в пепел, брошенный морозным ветерком в лицо вечернего города.

Рассудок подвис, как процессор от перегрева системы, неспособный справиться с обрушившимся на него ударом эмоциональных сигналов. Очередная надежда на вечную любовь, теплившаяся в ее душе, угасла и остыла, превратившись в НИЧТО.

Она все еще молчала. Внутри нее наступило полное затишье, вакуум в мыслях, эмоциях, чувствах и словах. Слова... были сейчас просто не к месту!

Ее странное оцепенение длилось недолго. Он продолжал смотреть на нее в ожидании ответа – вероятно, о чем-то

спросив. Ответом же на его, увы, не услышанный вопрос стала неожиданная даже для нее самой неподдельно радостная улыбка, вдруг озарившая ее лицо.

Он был не просто удивлен, он был ошеломлен. Нет, ему не могло показаться! Это была настоящая, немного детская и наивная улыбка, приоткрывавшая верхний ряд несколько крупноватых зубов, что придавало ее лицу особый шарм.

Она продолжала улыбаться, и это не было сейчас попыткой лицедейства, к которому она всегда так тяготела. В данный момент ее действительно вдруг посетили искренняя радость и облегчение, накрыв с головой, словно теплая морская волна. Что-то яркое и горячее словно бы взорвалось у нее внутри фонтаном миллионов светящихся искр, разнося дивное тепло по всему телу.

– Вот и прекрасно! – наконец спокойно сказала она, выдохнув и продолжая улыбаться. – Я очень рада... что все это закончилось! Спасибо тебе!

– И тебе... – неуверенно произнес он в ответ.

На его лице отразилась искренняя растерянность. Настолько растерянным она, пожалуй, еще не видела его никогда!

Она быстро поднялась и, подхватив пальто и легко лавируя между столиками, не оглядываясь, пошла сквозь кафе к выходу.

– Сумасшедшая... – тихо сказал он сам себе. – Ты просто сумасшедшая! Стой! – сорвался он на крик.

В эту секунду все посетители кафе как по команде посмотрели сначала на него, а затем на нее, но, видимо, не найдя ничего интересного, вновь вернулись к своим разговорам, еде и напиткам.

Да, теперь она действительно прекрасно его слышала. Но желания оглянуться на его голос, как это всегда бывало, сейчас почему-то уже не возникло. Теперь его слова прозвучали в унисон с обычной городской какофонией и уже не могли ни удержать, ни остановить ее.

Она вышла на улицу, подставив морозному ветерку лицо, сохранившее легкие следы летне-осеннего загара. К своему огромному удивлению, она не чувствовала ничего, кроме дивного очарования этого зимнего городского вечера. Шум в голове окончательно прошел вместе с первыми глотками морозного воздуха. А вот некая теплота внутри все же осталась.

«Это – глинтвейн!» – подумала она и печально улыбнулась.

А вокруг нее была все та же невообразимая бездна Вселенной, зажатая для всех обитателей этого сумасшедшего земного города в административные и архитектурные границы.

Какая-то нелепо декадентская, но вполне изящная мысль пришла в голову: «Даже когда гибнут целые миры, кто-то успевает поймать в надвигающемся ужасе грозящего хаоса короткие мгновения счастья! И этим кто-то сейчас была

именно я!» – и снова печальная улыбка отразилась на ее лице.

Глава 2

Дорога домой абсолютно ничем не запомнилась. Бесконечные дорожные пробки. Полная пустота в душе и голове. Тихая музыка в салоне автомобиля, а за окном – люди, спешащие домой, бесконечные огни улиц и машин... Природа же постаралась, как могла, приукрасить эту городскую суету пятничного вечера медленно падающим декабрьским снегом.

«Вот сейчас приду домой и наревусь до обморока! – со спокойной грустью думала она, уже почти доехав. – Но откуда такое спокойствие? Я что, уже давно была готова к подобному финалу?» – спросила она себя, скривив губы в некоем подобии полуулыбки. И сама же ответила на свой вопрос:

«Холодок, который пробежал между нами примерно полгода назад, после моего возвращения из той злополучной поездки...» – на глазах выступили слезы. Она поспешила взять себя в руки, продолжив совершенно спокойно, и как бы констатируя: «Пропасть между нами становилась все шире и глубже...» – отогнать мрачные мысли у нее уже никак не получалось.

«А почему это так удивительно тихо? Ах да... мобильник отключен!» – и она тяжело вздохнула, но с явным облегчением.

Поворот ключа в замочной скважине потребовал от нее

каких-то дополнительных усилий и сопровождался неким неприятным лязгающим звуком. Это было довольно странно. Но несколько десятков лишних секунд мучения с замком явно того стоили, потому что за этой, к удивлению, не желавшей открываться дверью был ее дом! Милый дом, столь желанный и любимый, особенно в конце изнурительной рабочей пятидневки.

«Неделька выдалась – блеск! – подумала она почти без эмоций. – Особенно финал! Да открывайся же ты!» – с легкой долей раздражения добавила она уже вслух.

Ее небольшая квартирка «не далеко от центра» была для нее, пожалуй, единственным уголком в этом обезумевшем от собственного ритма городе, который неизменно гарантировал ей не только свет, тепло и иные коммунальные удобства, но и физическое и душевное спокойствие, а порой и уединение. Именно это и было в данный момент самым желанным!

Усталость валила с ног, а нервное напряжение сегодняшнего «дивного вечера» давало о себе знать легкой дрожью в руках. Последние душевные силы стремительно покидали ее, а измотанное недельной суетой тело каждой клеточкой желало скорейшего расслабления и отдыха.

Дверь наконец-то открылась. Полоска наружного света упала на пол и стену прихожей. Она с облегчением перешагнула через порог и закрыла за собой дверь. В полной темноте, повернув внутренний замок правой рукой, левой она сбросила сумку с плеча и потянулась к выключателю.

– Не нужно включать свет! – неожиданно раздался из комнаты негромкий, но очень знакомый женский голос.

– Мама?! – невольно вздрогнув, спросила она в темноту. – Что ты здесь делаешь?! – она не столько удивилась, сколько почувствовала легкую досаду и раздражение, которые были вполне оправданными – общаться с кем бы то ни было нет ни малейшего желания. А уж тем более с мамой!

Послышался тихий бархатистый смех:

– Ну, нет... Я – не мама! Или... уж точно не твоя!

Сейчас она уже и сама понимала это. Неприятный холодок скользнул где-то в районе затылка и торопливо побежал по спине. Смесь недоумения и тревоги окатила ее холодноватой волной. В висках опять застучало, а непослушная рука, как парализованная, застыла где-то на полпути к выключателю. Следующий вопрос, который автоматически сорвался с губ, был вполне логичным для данной ситуации:

– Тогда кто? – в ее интонации не было, пожалуй, ничего, кроме усталости и раздражения. – Вы зачем здесь?!

Голос, явно смягченный улыбкой на губах, ответил ей с еще более знакомой интонацией:

– Рада буду тебе ответить на все вопросы! Проходи в комнату!

«Где-то здесь за шкафом у меня стоит бейсбольная бита – подарок старого друга – отбиваться от поклонников», – быстро подумала она, но произнесла:

– Видимо, нужно включить свет, и тогда все само собой

разъяснится! – и она снова попыталась нащупать выключатель.

– Мысль, конечно, хорошая, но делать этого не нужно! Правда! – прозвучал все тот же голос из темноты, и его такая знакомая интонация, как ей показалось, была весьма дружеской и миролюбивой. – Не волнуйся, пожалуйста, иди сюда, присядь в кресло. Надо поговорить! – доброжелательно и в то же время требовательно произнес этот знакомый голос.

– По-го-во-рить?! – выдавила она с нажимом и, повысив голос, возмущенно заметила: – Да, поговорить – это то, что мне нужно сейчас больше всего!

При этом она продолжала пытаться определить принадлежность голоса и место нахождения злополучного выключателя на стене.

Этот довольно приятный женский голос определенно не принадлежал ни одной из ее подруг или знакомых, в этом она была совершенно уверена. «Тогда кто?!» – спрашивала она себя и не находила ответа.

В следующей волне накативших на нее эмоций доминировал скорее праведный гнев: «Кто же эта особа, явившаяся без приглашения, проникшая в дом неизвестно каким способом и к тому же испытывающая ее терпение, да еще и в полной темноте!?!» – мысли промчались вереницей.

– Понимаю, не лучшее время для разговоров... – спокойно и даже с сочувствием в голосе ответила незваная гостья.

В эту минуту больше всего удивляло другое – ее собствен-

ная реакция на данную ситуацию. Она вовсе не была напугана, не ощущала ни малейшей опасности или угрозы. В таких знакомых интонациях голоса незваной гостьи доминировало дружеское расположение, а тональность была ласковой и извиняющейся.

Поэтому, вероятно, ее рука, еще несколько секунд назад безрезультатно нащупывавшая на стене выключатель, теперь уже вполне послушно расстегивала молнию на сапоге, а другая продолжала раскручивать намотанный на шею шарф.

– Ну, хорошо, – практически примирительно, с глубоким вздохом сказала она, – поговорим... и в темноте, если вам так удобнее?!

Приятный смех из комнаты зазвучал вновь:

– Поверь, так будет удобнее именно тебе! – с ударением на последнее слово ответила ей гостья из темной комнаты.

– Это уже слишком! – резковато отозвалась она, почему-то снова наталкиваясь мыслью на бейсбольную битку за шкафом.

Тем не менее давали о себе знать не только общая недельная усталость, но и эмоциональное опустошение от сегодняшнего «очаровательного вечера», который окончательно выбил ее из колеи.

Желание расслабиться, удобно устроившись в уютном кресле, явно брало верх над сиюминутными импульсивными мыслями и эмоциями.

– Ладно, как скажете! – несколько раздраженно, но все же

спокойно сказала она. – Вам повезло, что зимой вечера такие темные, иначе ваше инкогнито давно было бы раскрыто! – резюмировала она, снимая с себя пальто.

– Ты права! – ответила гостья. – Именно поэтому я и выбрала этот декабрьский вечер! Но... и не только поэтому, конечно! Видишь ли... – тут снова зазвучал тихий смех. – Извини, видеть ты пока меня действительно не можешь! – как ей послышалось, гостья была очень довольна этим обстоятельством. – Но поверь, я для тебя не незнакомка, ты меня прекрасно знаешь! – голос из комнаты немного надломился, – Ну, может быть, не совсем меня... в общем, мы с тобой давние знакомые!

– Да, похоже на правду! – ответила она, делая шаг в глубину комнаты по направлению к своему любимому креслу. – Тем более глупо сидеть в темноте, ведь голос ваш абсолютно точно кажется мне знакомым!

– В твоём кресле сижу я, садись в другое! – спокойно командовала гостья.

– Спасибо за заботу! – огрызнулась она. – Вы сделали все для того, чтобы мне было максимально комфортно в моем же собственном доме!

– Ну-ну, не сердись... – протянула гостья, – ты всегда была весьма язвительна, я совсем забыла об этом! – сейчас было слышно, что гостья явно улыбалась. – Извини, пожалуйста, но если бы не острая необходимость, поверь, я бы никогда не стала тебя беспокоить! Особенно сегодня!

«Театр абсурда! – подумала она с горечью, заходя в комнату. – Опять сюрпризы, ненавижу их!» – она секунду вернулась мыслями к сегодняшней встрече в кафе, но постаралась отогнать неприятные воспоминания и спросила:

– Так вы сами назовете себя или мне еще предстоит поломать над этим голову... в темноте? – подойдя к пустому креслу, она рухнула в него, окончательно обессиленная.

– Давай начнем все же не с моего имени! – предложила гостья.

– Ясно, имени у вас нет, а лицо покрыто особой чешуей, не переносящей искусственный свет, – произнесла она устало, удобнее устраиваясь в кресле напротив гостьи.

Между ними было около пяти метров комнатного полумрака.

Зрение постепенно адаптировалось к слабому освещению. Этот свет принадлежал окнам соседних домов, он кое-как пробивался сквозь плотные шторы, которые кто-то предусмотрительно задернул, не оставив даже малейшего просвета.

Но она, тем не менее, уже смогла различить в противоположном кресле силуэт женщины с собранными в высокую прическу волосами, изящную руку на подлокотнике и темную длинную одежду гостьи, спускающуюся до самого пола. Однако, так как та сидела, откинувшись на высокую спинку кресла и спиной к окну, ее лицо было абсолютно неразличимо.

– Если позволишь, все по порядку: кто я есть и зачем я здесь – вещи настолько тесно взаимосвязанные, что, полагаю, у тебя отпадут всякие вопросы, как только я тебе все объясню!

– Звучит многообещающе! – утомленным голосом на выдохе заметила она. – Но начнем все же с того, кто вы есть.

– Прошу тебя, не злись! – попыталась успокоить ее гостя. – Я не отношусь к разряду людей, приходящих без приглашения в пятницу вечером и испытывающих терпение хозяев разгадыванием шарад!

– Да-а?! А выглядит именно так! – мгновенно среагировала она.

– Прости еще раз! Наберись, пожалуйста, терпения и послушай меня несколько минут, не перебивая, и, надеюсь, ты все поймешь и сможешь извинить меня за это вторжение! – гостя сказала это со всей любезностью в голосе, на которую, вероятно, была способна.

«Видимо, меня ждет еще одно душераздирающее признание!» – с горечью подумала она и произнесла:

– Хорошо, даю вам три минуты, но не больше! Я очень устала и не готова к долгому вечеру откровений непонятно с кем и в полной темноте!

Ее голос действительно звучал утомленно, но уют мягкого кресла, на которое она по привычке закинула уставшие ноги, и обволакивающее тепло квартиры, пусть даже и в практически полной темноте, вселили в нее спокойствие и благополу-

шие по отношению к незваной гостье.

«Пореву попозже!» – подумала она и печально улыбнулась этой мысли.

– Постараюсь уложиться в три минуты! – более сухо и деловито ответила женщина из темноты. – Итак, ты меня хорошо знаешь, и пока этого достаточно! Называть свое имя я не буду, потому что к концу моего короткого рассказа необходимость в этом отпадет. Самое главное сейчас – это то, почему я здесь и именно сейчас!

– Прямо-таки гора с плеч! – снова не удержалась от комментария она. – Ну, хорошо, я уже оценила важность момента, поэтому, если можно, давайте по существу!

– Конечно, спасибо! Времени действительно у меня не так много, поэтому начну с главного... – гостья сделала короткую паузу. – Я явилась сюда именно сегодня вечером, потому что... – гостья еще чуть помедлила: – У тебя сейчас именно такое эмоционально-психическое состояние, спровоцированное высоким градусом нервного напряжения, которое позволит нам без существенных проблем осуществить задуманный мною план и изменить твою жизнь к лучшему! – гостья старалась говорить спокойно, но волнение в ее голосе все же слышалось.

Если бы в комнате было светло, то таинственная незнакомка смогла бы увидеть полностью отвисшую нижнюю челюсть собеседницы. Затем саркастическая гримаса исказила утомленное лицо хозяйки квартиры, а улыбка, которая сей-

час блуждала по нему, выражала только одну мысль, которую та и озвучила:

– Это еще что за бред?! Вы что, действительно вторглись в мой дом без разрешения только для того, чтобы нести всю эту нелепицу?! – отбросив всякие церемонии, спросила она металлическим голосом. – А кстати, как вы вошли?!

Гостья никак не отреагировала на ее резкий тон и, проигнорировав последний вопрос, быстро, но спокойно ответила:

– Я хотела бы попросить тебя об одном одолжении, – гостья явно заторопилась.

– А именно? – резко отозвалась она, почувствовав, что близится развязка интриги.

– Чтобы ты вернулась на полгода назад и исправила то, что тогда сделала! – гостья немного повысила голос и, еще больше заторопившись, добавила: – В противном случае это будет иметь для тебя только негативные последствия, потому что уже изменило твою дальнейшую жизнь и, поверь мне, не в лучшую сторону!

Но она уже не слушала, да и не желала слушать пророческие бредни неизвестно кого. Она ощутила себя участницей нелепого телешоу розыгрышей, и волна праведного гнева захлестнула ее настолько, что она стремительно рванулась из кресла, чтобы положить конец этому бессовестному фарсу.

Глава 3

Однако попытка демонстративно подняться с кресла окончилась абсолютно ничем. Неожиданно для себя она обнаружила, что тело совершенно ее не слушается.

Какими-то невидимыми путами она была как будто скована по рукам и ногам. Они удерживали ее в кресле в занятой позе так, что она не могла пошевелиться вовсе и даже повернуть голову.

– А это еще что такое?! – в недоумении спросила она.

– Это действует наш с тобой договор! – торопливо, но спокойно ответила гостья.

– Какой договор? – не поняла она.

– Мы с тобой договорились, что ты выслушаешь меня в течение трех минут... – спокойно пояснила гостья, – И у меня еще остались чуть больше двух с половиной минут!

Ее собеседница ничего не ответила, так как продолжала безрезультатно пытаться освободиться из невидимого плена.

И гостья продолжила:

– Мы сами с тобой установили эти правила игры, поэтому тебе придется их придерживаться!

– Какой игры? Почему я не могу пошевелиться?! – уже теперь несколько испугавшись, спросила она. – Вы меня что, загипнотизировали или меня парализовало?

– Нет, конечно! – послышался легкий смех. – Ни то ни

другое! Просто так действует наш с тобой договор!

– То есть? – она все еще ничего не понимала.

– Ты сказала: «Даю три минуты», – я согласилась! Поэтому ты будешь вынуждена выслушать меня в течение этих трех минут и никак не сможешь помешать мне сказать все то, что я намериваюсь!

– Но... – попыталась возразить она.

– И никаких «но»! Причем время твоих реплик и вопросов, а также моих дополнительных разъяснений, как сейчас, не будет зачтено в отведенное мне время. Поэтому будь добра, дослушай все, что я скажу в течение трех минут, и наш договор прекратит свое существование. Так что, я могу продолжить?

– Валяйте! – устало выдохнула она, осознав, что ничего не может сделать.

Ей совершенно не хотелось анализировать истинную природу того, что с ней сейчас происходило. Она абсолютно перестала понимать, спит она или, возможно, бредит. Вся эта ситуация уже давно вышла за рамки здравого смысла, но это, тем не менее, не мешало ей развиваться!

«Сегодняшний вечер решил меня доконать!» – обреченно подумала она и горько усмехнулась.

– Спасибо! – вежливо отозвалась гостья на ее «валяйте». – Итак, я продолжу! Твоя жизнь круто изменилась, и произошло это, как ты, я надеюсь, понимаешь, не сегодня вечером, когда твой... – гостья помедлила, явно подбирая сло-

ва, – мужчина сообщил тебе о том, что оставляет тебя!

Она хотела было что-то сказать, но передумала и только вздохнула. А гостья продолжила:

– Нет, это произошло чуть раньше, а именно полгода назад, когда ты решила не говорить ему о том, что ты... – гостья остановилась, чтобы перевести дух. – Что ты беременна! И втайне от него избавилась от этого состояния!

При последних словах, произнесенных гостьей, ее сердце учащенно забилося, а к горлу подступил огромный комок, грозящий удушьем.

– Ты, конечно, полагала, что так будет лучше для всех... – спокойно продолжила гостья. – Что вы оба не готовы к такому продолжению отношений, и сегодняшний вечер должен был окончательно убедить тебя в том, что тогда ты поступила правильно! – гостья остановилась на несколько секунд. – Однако поверь мне, это совсем не так!

– Но... откуда вы знаете?! – сдавленным голосом спросила она, так как комок продолжал все сильнее сдавливать горло, а на глаза опустилась пелена слез. – Я не говорила ни одной живой душе, даже маме! Я уехала для этого в другой город! – теперь она уже почти кричала. Несмотря на полную телесную обездвиженность, ее чувства бушевали и вырывались наружу.

– Успокойся, пожалуйста... – попыталась остановить ее гостья.

Но было уже поздно! Эмоции наконец-то прорвали тол-

стую стену обороны, выстроенную рассудком сегодняшним вечером, и хлынули бурным потоком слез. Она рыдала в голос, не в силах сдержать ни слез, ни стонов, вырывавшихся, казалось, откуда-то прямо из глубины ее сердца. Рыдать не мешало даже то обстоятельство, что она не могла пошевелиться и по-прежнему сидела все в той же позе с подобранными под себя ногами. Горячие соленые ручьи беспрепятственно струились по ее щекам.

Она не знала, сколько прошло времени, прежде чем ей удалось успокоиться. Обессилен от собственных рыданий и продолжая по инерции нечасто всхлипывать, она, наконец, произнесла тихим и охрипшим голосом:

– Что дальше...

Незванная гостья, сидевшая все это время тихо и неподвижно, немного пошевелилась в своем кресле, глубоко вздохнула и, видимо, делая усилие над собой, негромко произнесла:

– Прости меня, пожалуйста, но так было нужно! Иначе ничего не выйдет! – ее голос чуть заметно задрожал.

– Да хватит уже извиняться! – безжизненным голосом, но довольно резко ответила она. Затем, недолго помолчав, все же спросила: – А что именно должно у вас выйти?

Гостья тоже недолго помолчала и твердо, но при этом ласково ответила:

– Все исправить!

– А-а... Ну, ясно! – выдохнула она, продолжая всхлипы-

вать и шмыгать носом. – И как? – ее голос прозвучал совершенно глухо.

Случившаяся с ней истерика полностью смыла своим напором все краски сегодняшних переживаний, погрузив ее в состояние спокойного созерцания и ожидание неминуемого окончания происходящего с ней абсурда.

На секунду ей показалось, что она окончательно лишилась рассудка, но поспешила отогнать от себя эту совсем уж безрадостную мысль.

– Ты вернешься назад на полгода в свое прошлое и не станешь совершать той... ошибки, а позволишь ситуации развиваться по другому сценарию, – все так же тихо и спокойно ответила гостья.

– Так просто?! Вернусь и все исправлю?! – она прищелкнула языком. В ее голосе прозвучала горькая ирония, и такая же усмешка исказила ее лицо. – А поможете мне в этом, вероятно, именно вы?! – и это не было вопросом.

Сначала она только вновь усмехнулась, но затем усмешка перешла в тихий глухой смех, который начинал становиться все громче и громче, грозя перерасти в очередную истерику.

Еще один подобный эмоциональный всплеск, но только с противоположным знаком, грозил окончательно измотать ее. Поэтому гостья поспешила довольно резко прервать развитие очередной истерики – стремительно поднялась из своего кресла, быстрыми шагами пересекла комнату и, остановившись возле ее кресла, присела на его подлокотник так,

что теперь их лица отделяло друг от друга не более тридцати сантиметров.

В это мгновение смех будто застрял где-то в горле. Ею овладело такое чувство, что она не заметила, как они с гостьюей поменялись местами, и теперь та сидит неподвижно в кресле, а она сама – на его подлокотнике, нависая над ней и едва заметно улыбаясь одними глазами.

Полумрак комнаты больше не мешал ей рассмотреть лицо незваной гостьи, оно было слишком близко!

– Ну как, теперь узнаешь? – ласково спросила гостья и положила свою руку ей на плечо.

Именно в момент этого прикосновения сковывавшее ее тело оцепенение полностью исчезло, и она почувствовала, что снова может свободно двигаться. Вот только от наступившего ее шока пошевелиться ей так и не удалось.

Ее рот предательски медленно приоткрылся сам собой и замер в таком положении.

Они смотрели друг на друга, и выражения их лиц были так же схожи, как и сами лица. Гостья с нескрываемым любопытством и даже волнением разглядывала ее, как и она гостью.

Наконец она справилась с собой и не без усилия выдавила: – А ты кто?

К этому моменту гостья убрала руку с ее плеча, поднялась с подлокотника кресла, подошла к торшеру и включила приглушенный плотным абажуром свет.

– Честно говоря, я думала, что у тебя уже не останется этого вопроса! – гостья слегка наклонила голову и улыбнулась.

От этой милой и немного детской улыбки гостьи она начала приходить в себя и, вспомнив, что уже может свободно двигаться, вытянула затекшие руки и ноги.

Потянувшись, она покрутила головой, не сводя глаз со своей гостьи, и попробовала встать, чтобы немного размяться. Но голова вдруг стремительно закружилась, и она рухнула обратно в кресло.

– У тебя сильное эмоциональное потрясение, посиди еще немного, я принесу воды! – по-дружески и ласково сказала гостья.

– Давай... – рассеянно ответила она, пытаясь лучше рассмотреть гостью теперь уже в неярком свете торшера.

Та мягкой походкой прошла в кухню, налила в стакан воды и вернулась обратно в комнату.

– Я, с твоего позволения, тоже вернусь в кресло... – тихо сказала гостья, протягивая ей стакан. – Для меня наша встреча – это ведь тоже момент весьма эмоциональный!

Гостья вернулась к своему креслу и села, расправив полы длинной накидки. Теперь она сумела рассмотреть ее длинное струящееся одеяние, явно выпадающее по стилю из трендов нынешнего сезона. Присмотревшись к гостье, она поняла, что та была, несомненно, старше ее, лет на пятнадцать – двадцать максимум.

К своему большому удивлению, она выпила почти всю принесенную гостьей воду, глубоко вдохнула и выдохнула воздух несколько раз, снова потянулась в кресле и теперь уже почти спокойно обратилась к гостье, невозмутимо сидевшей в кресле напротив:

– Так почему ты выглядишь как я? Или... это я выгляжу как ты?

В тот самый момент, когда она увидела себя саму в присевшей к ней на кресло женщине, обращение на «вы» как-то само собой отпало, и ему на смену пришло более дружеское «ты».

– Видимо, потому, что я – это ты, или ты – это я, как тебе больше нравится! Только с разницей в... семьдесят лет! – сказала гостья и улыбнулась, показав ровный ряд крупноватых верхних зубов.

– Что-о?! – протянула она. – Вы совсем ополоумели, что ли?! – как-то неожиданно для себя она нагрубела и вновь перешла на «вы».

– Нет, дорогая, – спокойно возразила гостья, не обращая внимания на ее резкость, – я нахожусь в здравом уме и твердой памяти, а также вполне здорова физически, что и позволило мне оказаться здесь сегодня!

– Поздравляю! – огрызнулась она. – А вот мое состояние ума и здоровья подсказывает мне, что я рискую лишиться их обоих, если вы не прекратите морочить мне голову! – все так же резко отозвалась она.

– Да, в наше время люди уже не столь импульсивны, – мягко заметила гостья. – Утрачена широкая палитра эмоций. Ничего не поделаешь, такова плата за прогресс!

Она состроила в ответ на это замечание гостьи саркастическую гримасу.

Повисла недолгая пауза. Затем, что-то осмыслив, она наконец произнесла:

– Так вы у нас гостья из будущего, не иначе?! – привычная извительность уже начала возвращаться к ней.

– Я понимаю, что это очень сложно понять и принять! Пытаюсь поставить себя на твое место... или себя на свое – как правильно в данном случае, не знаю! – гостья опять засмеялась. – И на «ты» было намного приятнее!

– Меня на мое! – откликнулась она, имея в виду «место», и, помолчав, спросила: – Так что там... с тем, что нужно исправить? Это как вообще... возможно?

Глава 4

– Возможно, конечно, ведь я же здесь, – спокойно заметила гостя и опять улыбнулась.

– О, ну слава Богу! – снова съязвила она в ответ и прикрыла ненадолго глаза, так как смотреть на себя саму, повзрослевшую на целых семьдесят лет, пусть даже и находящуюся в такой прекрасной внешней, а возможно, и внутренней форме, было немного не по себе.

– Все дело в том, – уже совсем серьезно продолжила гостя, расправляя складки своей длинной накидки неопределенного цвета, – что, прожив длинную жизнь, понимаешь, как она на самом деле коротка для того, чтобы сделать что-то по-настоящему стоящее! Извини уж за банальность! – гостя тихо вздохнула и улыбнулась.

Она промолчала и изобразила на лице мину, которая должна была означать: «Ничего, бывает!»

Недолго помолчав, гостя продолжила:

– Еще через несколько десятков лет люди настолько продвинутся в изучении самих себя, своей энергетической составляющей, что это позволит им не только лечить болезни, которые раньше считались абсолютно неизлечимыми, но и значительно увеличит продолжительность человеческой жизни!

По губам хозяйки квартиры блуждала недоверчивая

улыбка.

– Научившись управлять энергетическими процессами, протекающими в клетках человеческого организма, – продолжила гостя, не обращая внимания на ее сдержанную реакцию, – люди научатся возвращать клеткам их физиологическую молодость.

Она как бы понимающе кивала, продолжая рассматривать гостью. Та же, внимательно посмотрев на свою молодую копию, немного помолчала и продолжила:

– Но, пожалуй, самым мощным достижением станет разработка технологии обратного перемещения по заданному временному вектору, основанной на алгоритмическом сочетании управляемых энергетических потоков человеческого индивида и параметров двух основных измерений – пространства и времени! – последняя фраза прозвучала из уст гостьи как-то особенно патетично.

– Угу, значит, все же гостя из будущего! – как-то разочарованно заметила она и посмотрела на гостью с вопросительным выражением лица.

– Да, именно так! – слегка смутившись, как ей показалось, ответила та.

– И ты – это я через семьдесят лет? – в ее голосе опять зазвучали нотки иронии и плохо скрываемого сомнения.

– Да, так и есть, – невозмутимо сказала гостя и улыбнулась молодой себе, сидящей напротив.

– Ясно! – она вздохнула. – Ну, теперь вроде бы понятно,

почему ты знаешь обо мне то, что не знает никто! – сдержанная ироничная улыбка на ее лице сменилась на печальную.

Гостья кивнула ей в ответ и тоже понимающе улыбнулась.

– И... что дальше? – после небольшой паузы спросила она серьезно.

– Как я уже говорила, я здесь, чтобы попросить тебя об одном одолжении!

– Ах да, вернуться на полгода... – голос ее упал, к горлу снова подступал комок.

– Видишь ли, мы сами, люди нашего времени, не вправе самостоятельно менять что-либо в своем прошлом – таковы правила использования технологии, и... за их нарушение – наказание весьма суровое!

Она удивленно вскинула вверх брови и продолжила молча смотреть на гостью.

– А вот риск того, что в твоём времени никто и никогда не поверит в «гостью из будущего», как ты выражаешься, – продолжила, снова улыбнувшись, та, – настолько велик, что вполне оправдывает отсутствие желания у людей моего времени даже попытаться что-либо изменить в своей прежней жизни! Круг замыкается, и все живут, как жили, двигаясь только вперед, и лишь иногда, ностальгируя, заглядывают поглазеть на свое туманное прошлое!

– Ну надо же! – искренне удивилась она.

– Но я все же решила рискнуть... – гостья вновь слабо улыбнулась. – И если не нарушить, то попробовать обойти

правила... – тут голос гостьи дрогнул и надломился.

Повисло молчание, которое, впрочем, длилось недолго.

– Хорошо, – она первой нарушила тишину. – Если все же отбросить весь этот не вполне понятный мне, извини уж, бред, то... что конкретно тебе нужно от меня? – она вернулась к дружескому «ты», желая наконец-то приблизиться к концу этого разговора и прояснить для себя смысл сегодняшнего «нежданного явления».

– Чтобы ты изменила мою... то есть свою жизнь, наше будущее к лучшему, понимаешь?! – в голосе гостьи послышалась несколько просительная интонация.

– Да?! Но как?! – спросила она, действительно искренне недоумевая.

– А ты меня до этого слушала? – уже опять с улыбкой и прежним дружеским тоном спросила гостья. – Я старалась объяснить!

– Да, слушала вроде... – неуверенно ответила она, подняв глаза на гостью, чтобы снова внимательнее ее рассмотреть.

В кресле напротив определенно сидела она сама! Только прическа была совсем не в ее стиле – волосы были собраны наверх в какой-то замысловатой формы пучок на затылке. Удивлял и цвет волос гостьи – он был достаточно темным, но с необычным серебристым оттенком.

На гостье была надета совершенно непонятная длинная струящаяся одежда, так не подходящая к ее собственным модным предпочтениям. Гостья была внешне совсем не ста-

ра, а, наоборот, достаточно молода, стройна, более спокойна и мягка, что ощущалось по ее движениям и голосу.

– Если между нами семьдесят лет, – попыталась продолжить свои выяснения она, – то тебе... вам девяносто девять! Это же невозможно!

– Невозможна вопиющая заостренность твоего разума! – откликнулась гостья, вздохнув. – Возможно все! Я выгляжу так, как выглядят большинство людей моего времени и в этом возрасте, – и она опять улыбнулась своей молодой копии не без гордости.

Продолжая удивленно рассматривать себя в девяносто девять, она спросила примирительным тоном:

– Ладно уж, но что конкретно я могу для тебя сделать? – и в ее голосе уже не было ни тени иронии. – Или для себя?..

– Да как тебе будет удобнее! – ответила гостья с улыбкой, неопределенно махнув рукой, и в очередной раз расправила складки одежды. – Главное, что ты можешь изменить будущее!

– Ну, хорошо, – вздохнув, сказала она. – Значит, я могу что-то изменить для себя и для тебя – объяснишь как?

– Конечно, ведь я здесь именно за этим! – гостья вдруг опять стала серьезной и деловитой и поспешила все объяснить. – Как я и сказала, сама я ничего менять в своем прошлом не могу! Но я могу отправить тебя в тот самый день, когда ты села в самолет, чтобы лететь в тот самый город... – тут гостья запнулась и посмотрела ей прямо в глаза, в ко-

торых опять стояли слезы. – Прощу тебя, не плачь больше, ведь мы все исправим, понимаешь?!

Она встала и приблизилась к своей молодой копии, присела рядом на тот же подлокотник и приобняла ее одной рукой за плечи:

– Ты даже не представляешь, насколько для меня это важно! То, что ты даже если не до конца и веришь мне, но все же меня слушаешь! – гостья немного отпрянула от нее и добавила: – Хотя дотрагиваться до тебя немного жутковато! – пошутив таким образом, гостья поднялась и снова вернулась в свое кресло.

– Да-а! – она повела плечами, стараясь справиться с эмоциями. – Действительно не по себе!

И, недолго помолчав, добавила: – Хорошо, я согласна, давай попробуем!

Она подняла на гостью глаза, взглянув на ту спокойно и твердо.

– И тебе не нужно время, чтобы подумать? – гостья явно сомневалась в осознанности ее ответа.

– Нет, конечно! – решительно ответила она. – Попробуй снова поставить себя на мое место! – улыбнулась она гостье. – К тебе является твоя точная копия, только чуть постарше и ужасно одетая... – тут она чуть улыбнулась, – и говорит, что можно исправить то... – она запнулась, но справилась с собой и продолжила: – То, о чем ты жалеешь каждый день своей жизни! – она снова немного помолчала. – Разве

ты бы не согласилась?! – и она посмотрела на себя в девяносто девять ласковым взглядом с легкой поволокой слез.

– Значит, я все делаю правильно! – облегченно вздохнула гостья и улыбнулась в ответ. – Тогда не будем терять времени! Итак! – она сложила ладони вместе на уровне груди и слегка потерла их друг об друга.

«Мой жест, точно!» – подумала она, а гостья при этом продолжила:

– Та технология, которая позволила мне оказаться сегодня здесь, отправит и тебя в тот самый день полгода назад... Надеюсь, что ты его хорошо помнишь?!

– Такое забудешь! – печально отозвалась она.

Гостья понимающе кивнула.

– Ты опять, скорее всего, сразу окажешься в самолете и полетишь в тот самый город. Ну а дальше... ты сможешь поступить совсем по-другому... – гостья сделала короткую паузу, – сохранишь беременность и начнешь жить по-новому! – теперь гостья заметно повысила голос, и было слышно, что она взволнована.

– Подожди, а что значит «скорее всего, сразу окажешься в самолете» и как это, прости, «по-новому»? – спросила она с неподдельной тревогой.

– «Скорее всего» – это потому, что мы не можем точно до секунд и минут рассчитать момент твоего появления в прошлом. Здесь все будет зависеть от силы притяжения прошлого и нынешнего энергетического накала твоего эмоцио-

нально-психологического состояния. Мы максимально приблизим тебя к тому моменту, когда ты больше всего волновалась и терзалась! – гостья вопросительно посмотрела на нее. – Это ведь было в самолете, пока летела, верно?

– Да... – с горечью согласилась она. – Измучила себя окончательно, хоть из самолета выпрыгивай!

– Ну, прыгать точно не придется, обещаю! – попыталась пошутить гостья и бодро добавила: – А вот то, как ты будешь жить дальше, я не знаю! – гостья пожалала плечами и слегка развела руками. – Я и не могу этого знать, потому что измененная тобою жизнь пока мной не прожита! Прожита лишь та, которая есть... – и гостья печально улыбнулась.

– А чем, прости, помимо прочего, так плоха твоя жизнь, что ты так сильно хочешь ее изменить? – как-то автоматически вырвался у нее вопрос, но она тут же поймала себя на мысли, что, пожалуй, боится услышать ответ на него.

– Да не так уж она и плоха! – быстро ответила гостья и улыбнулась, но грусть сквозила в этой улыбке. – У меня прекрасный муж... был. Хорошие дети, хотя и приемные, отличные внуки и даже правнуки! – гостья улыбнулась, но улыбка быстро погасла на ее лице, и она продолжила: – Видишь ли, меня все время мучит осознание того обстоятельства, что я никак не повлияла, прости уж меня за пафос, на ход человеческой истории как женщина, способная дать этому миру еще одну новую жизнь! А вместо этого... – она замолчала, помедлила и добавила: – После сегодняшнего расставания я

ведь очень нескоро обрела личное счастье, хотя при этом достигла немалых высот в карьере, посвятив ей большую часть своей жизни.

– А-а, так значит, я весьма успешна?! – отреагировала она.

– Да, конечно! Только, – гостья вздохнула, – после этого вечера ты... я надолго перестала верить людям! Когда же по прошествии немалого времени ставший близким мне человек с двумя маленькими детьми предложил замужество, я даже не раздумывала! Мне не просто хотелось быть с ним рядом, я всей душой стремилась к этой реальной и счастливой возможности – вырастить детей, которых я сама уже иметь не могла! – и гостья замолчала, опутив взгляд.

Она почувствовала, что комок снова поднимается к горлу, а глаза вновь наполняются слезами.

– Сама не знаю почему, – продолжила гостья, приподняв подбородок, но смотря куда-то в сторону, – я категорически не захотела воспользоваться развивающимися технологиями репродукции, а когда неожиданно ушел из жизни мой муж... Несчастный случай... – ответила гостья на ее немой вопрос, – это и вовсе потеряло всякий смысл! – слышался глубокий вздох. – Дети выросли, появились внуки, стало возможным снова стать молодой и сильной, хотя все это, конечно, относительно... Жизнь заиграла новыми красками! – гостья ненадолго остановилась.

Потом, пристально посмотрев на свою молодую копию, продолжила:

– Когда же появилась технология обратного перемещения, я стала вынашивать идею изменения своей личной судьбы. Почему не попробовать?! – она слегка улыбнулась. – Ведь, не имея рожденных мною лично детей и меняя свое прошлое в этом его моменте, я не способна глобально повлиять на судьбы других людей! – она убежденно качнула головой. – Я точно не наврежу своему мужу, который может встретить и полюбить совсем другую женщину, а не меня. Ни моим приемным детям, которых все равно родит их собственная мать, ни тем более их потомкам. Такие перемены в моей личной судьбе коснутся только меня и... еще одного человека, которому, я надеюсь, все же удастся появиться на свет!

Гостя помолчала некоторое время и, пристально посмотрев на себя в молодости, закончила:

– Это и является моей конечной целью! – и, не сводя глаз со своей собеседницы, спросила: – Ну так как... ты со мной?! – в ее голосе и взгляде читалась надежда.

Глава 5

Она сидела в кресле, молча, но уже точно знала ответ на этот вопрос. Слушая рассказ своей гостьи, она отчетливо понимала, что все услышанное ею было, скорее всего, абсолютно реальной перспективой ее дальнейшей жизни. В этом она теперь, пожалуй, не сомневалась, внимательно глядя на саму себя в девяносто девять.

Пытаясь справиться с очередным комком в горле и невольно побежавшими по щекам слезами, она сказала:

– Ты забыла еще одного человека, которого могут коснуться эти перемены.

Гостья, понимая, кого именно она имеет в виду, кивнула:

– Возможно!

Она же, немного помедлив, спросила:

– А ты уверена, что эти перемены будут... к лучшему?

Гостья, совсем недолго помолчав, ответила:

– Полной уверенности, конечно, у меня нет, но есть надежда! – и снова немного печальная улыбка на таком знакомом лице.

В этот момент в ее голове снова пронеслись вереницей печальные воспоминания полугодичной давности: сомнения, терзания, боль, разочарование... – продолжать копаться в себе не имело смысла. Из ее глаз по-прежнему катились слезы.

«А нареветься-то мне все же удалось!» – с печальной иронией подумала она и произнесла:

– Конечно, я с тобой! Это же – моя жизнь! – ее голос прозвучал даже излишне громко.

– Спасибо! Иного я и не ждала, хотя сомнения были... – гостья улыбнулась, и теперь ее улыбка была полна радостной теплоты.

– Когда начнем? – робко спросила она, смахивая слезинки рукой.

– Прямо сейчас! – отозвалась гостья. – Ждать другого подходящего момента не приходится – его просто не будет! – и она вновь стала деловитой и серьезной.

– Ну, задачу я в целом поняла, а что конкретно мне нужно делать? – она постаралась при этом максимально приободриться. – Как это работает?

– Все довольно просто и сложно одновременно! – гостья достала откуда-то из складок своей длинной накидки маленький металлический предмет, напоминающий беспроводной наушник и странного жука одновременно. Она зажала его между двумя пальцами левой руки. Другой предмет, который был теперь у нее на ладони правой руки, был похож скорее на некий овальный пульт с несколькими кнопками и дисплеем, покрывающим всю его оставшуюся поверхность.

– Как я уже и сказала, все – просто, но есть определенные если не сложности, то... тонкости процесса.

– Было бы странно, если бы их не было! – к ней явно на-

чинал возвращаться ее привычный боевой дух.

Гостья улыбнулась, подошла к ней поближе и наклонилась так, чтобы стало видно ее левое ухо.

– Какая красота! – искренне восхитилась она, разглядывая витой серебристый изгиб великолепной серьги с каким-то невообразимым зелено-желтым камнем.

– Ты не туда смотришь! – откликнулась гостья, – и да, серьги правда чудо! Я их очень люблю! Подарок мужа... – она тихо вздохнула, выпрямилась и продолжила: – Итак, в моем ухе примерно такой же прибор, как и тот, что у меня в руке, – и она указала свободным пальцем на приборчик в своем левом ухе. – Именно с его помощью я и оказалась здесь, что называется, «во плоти»! – гостья опять улыбнулась.

Она смотрела на свою взрослую копию с нескрываемым любопытством, граничащим сейчас с восхищением.

– Но твой, – продолжила гостья, аккуратно повертев пальцами, зажимавшими другой «наушник», – несколько иной – он осуществляет перемещение не всего целостного индивида, а лишь пучка энергетической биоплазмы...

– Стоп-стоп-стоп! – моментально отреагировала она. – Ты намерена отделять от моего, как ты выражаешься, «индивида» какую-то плазму?!

– Не торопись, пожалуйста! – попыталась успокоить ее гостья.

– А плоть, прости, куда?! – взволнованно продолжила она.

– Ничего необычного с твоей плотью не произойдет! – улыбнулась гостья. – Постараюсь объяснить тебе все коротко и внятно!

– Да уж будь так добра! – съехидничала она.

– Надеюсь, ты знаешь, что все наше тело само по себе – это генератор и проводник различных видов энергий одновременно...

– Ну допустим! – с неким скепсисом отозвалась она.

– Не допустим, а так оно и есть! – немного разочарованно заметила гостья. – Все процессы жизнедеятельности, протекающие в нашем физическом теле, включая мозговую деятельность и работу нервной системы, особенности которых в своем комплексе и определяют нашу индивидуальность и личностные качества, являются при этом ни чем иным, как процессом выработки, передачи и поглощения энергии.

Гостья внимательно посмотрела на нее. Она слушала и неуверенно кивала. Гостья продолжила:

– Именно эта энергия нашего биологического тела в случае ее полного отделения от него будет той энергетической биоплазмой, которую мы перенесем...

– Ну это-то я поняла, – перебила она гостью, – а с «биологическим телом» то что?!

– С телом – ничего особенного... – гостья чуть помедлила, – умрет!

– А-а... ну понятно! – саркастически выдавила она. – И это ты называешь «ничего особенного»?! – она уже чуть ли

не кричала и с укором смотрела на себя в девяносто девять.

– Ну да! Это вроде бы и для твоего времени весьма обычное состояние человеческого тела! – спокойноотреагировала гостя.

– Да, конечно, – откликнулась она с деланным спокойствием, – если только речь идет не о МОЕМ теле!

– Ой, извини меня, пожалуйста, я и забыла, что нас с тобой разделяют десятки лет, и в этом времени отношение к физической смерти биологического объекта несколько иное... – она изобразила на своем лице извиняющуюся полуулыбку.

– Да! Но ты-то, тем не менее, не бросила свою биологическую плоть умирать, а явилась ко мне целиком! – уже более миролюбиво заметила она.

– А я и не могла поступить иначе! Ведь мне нужно было убедить тебя! А плазма, к сожалению, на это не способна! Пока, во всяком случае... – и она опять улыбнулась своей молодой копии.

– Резонно! – пришлось согласиться ей.

Она улыбнулась в ответ и, немного подумав, спросила:

– А если мое тело умрет, а плазма не достигнет цели, что тогда?

– Это исключено! – спокойно и со знанием дела ответила гостя. – Технологически алгоритм будет завершен только тогда, когда цель будет достигнута, а в противном случае ты вернешься обратно!

– Как обратно? Куда – сюда? – не до конца поняла она.

Гостья утвердительно закивала:

– Течение времени в процессе твоего перемещения будет как бы приостановлено для твоей биологической составляющей... – она поймала на себе недовольный взгляд собеседницы. – Проще говоря, тело будет живым, если ты вдруг вернешься сюда! Но, надеюсь, этого не произойдет!

– Да уж! Чем дальше, тем интересней! – опять же скептически заметила она.

– Дело в том, – гостья снова постаралась приступить к объяснениям, – что процесс перемещения, с технической точки зрения, основан на привязке к сильным душевным ярко эмоционально окрашенным переживаниям человека, которые сопровождаются мощным высвобождением и поглощением той самой биоэнергии. Всплески этой энергии и являются своеобразными маяками, позволяющими найти нужную конечную точку во времени и пространстве.

Она внимательно слушала и смотрела на гостью, почти не мигая.

– Твое сегодняшнее эмоциональное состояние и сильное душевное волнение и помогли мне безошибочно попасть в нужную мне точку пространства и времени, к тебе, понимаешь? – с надеждой в голосе спросила гостья.

– Кажется... – ответила она и негромко вздохнула.

– Твое перемещение также будет привязано к энергетическому всплеску того злополучного дня... К самому тяжело-

му для тебя с точки зрения чувств и эмоций моменту – моменту принятия окончательного решения в самолете! – гостья все это время стояла рядом с ней и теперь по-дружески положила руку ей на плечо.

– Ну ясно! – обреченно вздохнув, ответила она. – Я полечу, как мотылек, на свет того маяка! – она печально улыбнулась своей взрослой копии.

– Очень поэтично! Но так и есть! – подтвердила гостья, улыбнувшись в ответ.

Она постаралась переключиться с нахлынувших мрачных воспоминаний на более конструктивные вещи.

– А мне нужно что-то взять с собой?

– Нет, конечно! Твоя жизнь и так наполнена изрядным количеством вещей, которые никуда не денутся от тебя, поверь! – гостья обвела комнату рассредоточенным взглядом. – К тому же ты ненадолго – всего на полгода назад! – гостья успокаивающе улыбнулась ей и пошла в кухню, чтобы налить себе стакан воды.

Все это время она сидела в кресле и пыталась осознать: является ли все происходящее с ней явью или это все же ее помутившееся от нервных перегрузок сознание играет с ней, как с марионеткой.

Когда гостья вернулась в комнату, она вдруг спросила ее:

– А что это было, когда я не могла пошевелиться?

– А, это... – гостья улыбнулась и сделала глоток. – Прости, пришлось воспользоваться энергетическим капканом, –

гостью увидела ее расширившиеся от удивления глаза. – Ну, это такая ловушка для определенного вида энергий – долго объяснять! – гостья небрежно махнула рукой. – Должна же я была заставить тебя выслушать меня, ведь иначе ты могла разбушеваться не на шутку!

– Это точно! – ответила она с улыбкой и кивнула в знак подтверждения. – Я могу...

И они обе засмеялись, точно зная, о чем идет речь. Чувства и эмоции слишком часто брали верх в ее жизни, оставляя рассудку незавидный удел анализа уже сделанных ошибок и поиска путей исправления негативных последствий.

– Значит, плазма... – наконец, закончив смеяться, задумчиво произнесла она.

– Это всего лишь термин, не цепляйся! Ты остаешься сама собой! Все твои мысли, чувства, эмоции, ощущения, все, что составляет сущность твоей личности, останется неизменным! Даже тело, и оно будет тем же, твоим, только в том его состоянии...

– Ясно! – она попыталась вновь приободриться. – Как-то страшновато все же...

– Еще бы! – отозвалась гостья, – мне в первый раз вообще дурно стало... Но в моем случае это возраст сказывается, ничего не поделаешь! – лукавая улыбка озарила лицо гостьи.

– Ладно, давай уже перейдем к делу, – она собралась с духом, – хотя разговор с тобой – тоже штука увлекательная, правда! – и одарила гостью ласковым взглядом.

– Спасибо! Мне тоже очень приятно поболтать с тобой...
С собой! – и гостя широко улыбнулась.

Глава 6

Они немного посмеялись вместе, прокрутив в голове все подробности их сегодняшнего общения.

– Так! – она сложила ладони перед собой и потерла их друг об друга. – Что конкретно мне сейчас нужно делать? – она заметно посерьезнела.

– От тебя требуется только концентрация на том моменте, когда ты оказалась в самолете!

– И все?! – удивилась она.

– Дело в том, что чем сильнее ты будешь пытаться контролировать происходящее с тобой во время перемещения и отслеживать свои собственные мысли и ощущения, тем слабее будет необходимый нам энергетический поток, и ты вместо нашей конечной цели можешь оказаться где угодно во временном и пространственном смысле...

– То есть? – не поняла она, – я могу не попасть туда, куда нужно?!

– Да, для новичков это – обычное дело! Промахиваются! – ее взрослая копия слегка улыбнулась.

– Как это?

– А так! Энергетическая составляющая твоего сознания в случае недостаточной концентрации на конечной цели может забросить тебя в самые неожиданные уголки пространства и времени! – в голосе гостьи она уловила нотки неболь-

шого волнения. – Все зрительные и эмоциональные образы, хранящиеся в самых сокровенных уголках твоей памяти, составляющие сознательное и бессознательное твоей личности, могут, как магниты, притянуть тебя к себе... Я понятно объясняю? – спросила та, видя ее растерянное выражение лица.

– Угу! – промычала она и закусила губу, подавляя неизвестно откуда взявшуюся саркастическую улыбку.

– Нет ничего смешного! – обиделась гостя. – Ты даже не представляешь, где можешь оказаться! Ты должна очень четко представить себе конкретный момент времени и точку пространства, в которые хочешь переместиться, иначе можешь надолго заблудиться в своих эмоционально окрашенных воспоминаниях, и не только своих...

– Что значит «не только своих»? – моментально отозвалась она. – Я что, могу оказаться в чужой жизни?! Только этого не хватало!

– Нет, ты можешь оказаться не то чтобы в чужой жизни, а, по сути, в своем собственном воспоминании или представлении об этой жизни! – гостя выразительно посмотрела на нее. – В событиях, которые происходили не с тобой лично, но которые ты по-своему переживала и хранишь в своей памяти как яркие эмоциональные истории из жизни других людей, как правило, очень близких тебе по рождению и крови...

– Вот тут ты меня совсем запутала, правда! – она немного разволновалась. – Мы вроде бы хотим поменять что-то в

моей, то есть в нашей жизни, при чем же тут все остальные?!

– Об этом я и говорю тебе! – назидательным тоном произнесла гостья, подняв указательный палец. – Необходимо максимально сконцентрироваться именно на своей жизни и событии из этой жизни, постараться вспомнить и ощутить тот момент во всех его эмоциональных красках, как это сделала я, настроившись на сегодняшний вечер! – гостья слабо и печально улыбнулась. – Понимаешь?!

– Значит, сегодняшний вечер был очень запоминающимся событием моей жизни, раз ты безошибочно попала именно сюда?

– Да, к сожалению, этот вечер я не забыла... – гостья умолкла на полуслове. Недолго помолчав, она продолжила:

– Все, что потом происходило в моей жизни после этого вечера, можно назвать, пожалуй, одним большим сожалением! – гостья вздохнула. – Ведь именно этот вечер помог мне осознать, как я ошиблась полгода назад! – она немного помолчала. – По своей сути то, что произошло тогда, было моим собственным насилием над волей! – она опять остановилась, видимо, чтобы справиться с чувствами. – Я же всеми силами своей души сопротивлялась тогда этому шагу, однако разум возобладал над чувствами, и я заставила себя сделать это! Ты помнишь не хуже меня! – гостья посмотрела на свою молодую копию, губы которой задрожали.

– Потом, уже позднее, ты поняла бы это, поверь... – гостья опять немного помолчала. – И тебе стало бы безмерно

жаль упущенной возможности дополнить свою жизнь этим счастьем, которое остается с женщиной, даже если мужчина уходит... – гостья замолчала и отвернулась, глядя куда-то в сторону.

– Да, я понимаю... – сказала она, и голос ее совсем упал.

Гостья подняла голову и посмотрела на нее, как ей показалось, влажным и очень нежным взглядом, слабо улыбнулась и произнесла:

– Тогда ты полностью расслабишься и сконцентрируешься одновременно и дашь технологии транспортиции сделать свое дело!

– Транспортиции?! – среагировала она на знакомый термин, удивившись и сбросив с себя печаль. – Ты отправляешь меня на каторгу?

– Да нет, конечно! Мы же не во Франции времен колоний! Этот термин означает теперь совсем иное... Ну, в общем, это название той технологии перемещения...

– А, ну тогда совсем другое дело! – попыталась пошутить она.

– Послушай, мне действительно довольно сложно тебе все объяснить! Тем более что я сама только знаю, как это работает... – гостья была серьезной. – Постарайся все же расслабиться и какое-то время не думать вовсе ни о чем, кроме заданного момента, иначе наслоения сознательного и бессознательного уведут тебя далеко от намеченной нами цели!

– А знакомить с аварийно-спасательным оборудованием

не собираешься? – снова пошутила она.

Гостья посмотрела на нее с укором, но улыбнулась.

– Соберись с мыслями, – спокойно сказав это, гостья вложила «наушник» ей в левое ухо. – Я выбираю дату и время, в котором ты должна оказаться! – гостья быстро водила пальцем по дисплею.

Она поправила «наушник» в ухо и внимательно наблюдала за манипуляциями своей взрослой копии, назвать которую «старой» просто не поворачивался язык.

– Готово! А пульт остается у меня...

Она взглянула на гостью с удивлением, но та предвосхитила ее вопрос:

– Чтобы я смогла скорректировать тебя сама, если что-то пойдет не так! Ведь как только ты покинешь этот вечер, его покину и я – у меня не останется здесь никакой эмоционально-энергетической привязки, то есть ТЕБЯ! – и гостья опять по-дружески положила руку ей на плечо.

– Все же поразительно, насколько ты похожа на меня! – произнесла она, разглядывая руку гостьи у себя на плече.

– Просто ты поразительно похожа на себя – в этом весь секрет! – с улыбкой отозвалась та. – Помни, твоя основная задача, – уже посерьезнев, продолжила гостья, – все время стараться думать о моменте посадки в самолет тем злополучным днем, поняла?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.